

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

глифы, жил не во времена XVIII династии. Иными словами, мы имеем здесь дело с подделкой.

На другой стороне этого предмета представлены три ряда идущих друг за другом мужских фигур. От верхнего ряда сохранились лишь нижние части фигур в длинных одеждах, наподобие той, в которую одет герой на рукоятке ножа из Джебель эль-Арака. В среднем ряду сохранились полностью три мужские фигуры с короткими бородами и головами в профиль, а плечами в фас. Положение рук, скрещенных на груди, наличие странных поясов и общая нечеткость деталей, как и отсутствие чехла-карнаты у мужчин, на наш взгляд, также не дают уверенности в правильности додинастической датировки этого рельефа, как думает Х. Ассельбергс.³

Мы полностью согласны с датировкой автора рецензируемой книги палеток „коршунов“ и „охоты на льва“ додинастическим временем.

Х. А. Кинк.

Ἰωάν. Ε. Ἀναστασίου, Οἱ Παυλικιανοί, Ἡ ἱστορία καὶ ἡ διδασκαλία τῶν ἀπὸ τῆς ἐμφανίσεως μέχρι τῶν νεωτέρων χρόνων, Ἀθήναι, 1959, 224 σελ.

Уже давно чувствовалась необходимость в монографическом, основанном на тщательном изучении всех имеющихся первоисточников исследовании по истории и идеологии одного из самых крупных социальных движений средневековья — павликианства, движения, которое, по образному выражению Гиббона, потрясло Восток и просветило Запад. Несмотря на то что уже со времен Чамчяна и Гиббона и до наших дней увидели свет бесчисленное количество статей о павликианах, отдельные главы в разных „Историях“ Византии и Армении, „Историях“ византийской и армянской церковей, у нас не было обобщающего монографического исследования, не считая книги армянского ученого Карапета Тер-Мкртчяна,¹ изданной 70 лет тому назад, и книги английского арменоведа Конибира,² опубликованной в конце прошлого столетия. Поэтому можно приветствовать книгу греческого богослова Иоанна Анастасиу „Павликиане, их история и доктрина со времен их возникновения до новых времен“, которая является докторской диссертацией автора.

Работа состоит из двух больших разделов — „История павликиан, основанная на сравнительном анализе источников“ и „Идеология павликиан по источникам“.

³ См. также рецензию Ж. Годрона на книгу Х. Ассельбергса (*Bibliotheca Orientalis*, Jahrgang XX, N 5/6, 1963, p. 261).

¹ К. Ter-Mkrtschian. *Die Pülikianer in Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien*. Leipzig, 1893.

² F. Conybeare. *The Key of Truth. A Manual of the Paulician Church of Armenia*, Oxford, 1898.

В первом разделе три главы: „История павликиан со времен возникновения движения до конца VIII века“, „История павликианства в IX веке. Усиление и разгром его военной мощи“, „История павликиан со времен их обоснования на Балканском полуострове до новых времен“.

Второй раздел состоит из четырех глав: „Предшественники“, „Основные черты идеологии павликиан“, „Павликианские общины; их представления о Церкви и о почитании святых“, „Общие выводы о значении наименования павликиан“.

По словам автора, он поставил себе задачу дать „по возможности обстоятельную“ (стр. 4), „непредвзятую и основанную на источниках“ (стр. 218) историю и доктрину павликиан. Но основанная на источниках история не означает простого изложения их содержания, что зачастую получается у Анастасиу, а в первую очередь изучение истории на основании критического подхода и анализа источников, ибо простое изложение содержания приводит к тому, что история становится далеко не предвзятой, так как средневековые ортодоксальные авторы были очень далеки от мысли изложить историю еретиков павликиан и вообще еретиков беспристрастно. От подобного подхода Анастасиу к источникам выходит, что еретики борбориты „были аморальными и грязными, поэтому никто не хотел садиться с ними за общий стол“ (стр. 151), ересиарх павликиан Ваан „был аморальной личностью“ (стр. 53), преследования павликиан императрицей Федорой имели религиозный характер (стр. 76) и т. д. Ясно, что Анастасиу повторяет слова ортодоксальных авторов средневековья без какого-либо критического подхода.

Нужно признать, что Анастасиу использовал большое количество источников и литературы по данному вопросу. Неиспользованными остались лишь формулы отречения от павликианства, изданные Фикером.³ Из исследований ему остались недоступными труды советских историков,⁴ а также обстоятельные статьи пражского историка Милана Лооса, изданные на французском языке в журнале „Byzantinoslavica“.⁵

³ G. Ficker. Eine Sammlung von Abschwörungsformeln. Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XXVII, Gotha, 1906.

⁴ См.: 1) Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. Византийский временник, т. V, 1952; 2) Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. Византийский временник, т. V, 1952. Все эти труды были использованы в дальнейшем автором в капитальном труде „Очерки истории Византийского общества и культуры, VIII—первая половина IX в.“ (М.—Л., 1961); К. Н. Юзбашян. 1) К истории павликианского движения в Византии в IX в. Вопросы истории религии и атеизма, 1956, № 4; 2) Тондракитское движение в Армении и павликиане. Изв. АН АрмССР, № 9, 1956.

⁵ M. Loos. Deux contributions à l'histoire des Pauliciens. Byzantinoslavica, N XVII, fasc. 1, 1956; N XVIII, fasc. 2, 1957.

Анастасиу в первую очередь останавливается на источниках павликиан, коротко приводит разные до него мнения о них и об их авторах, а затем приводит свои выводы. Он, по нашему мнению, совершенно правильно принимает аутентичность Петра Сицилийского и относится с большим доверием к его автобиографическим данным (стр. 20 сл.). О труде, дошедшем до нас под авторством патриарха Фотия, у него следующие соображения. Он принимает, что „Повествование о вторичном произрастании Манихеев“ Фотия основано на другом труде, а именно на „Полезной истории“ Петра Сицилийского, что „Повествование“ „рабски зависит от Истории Петра Сицилийского“ (стр. 22), что мы напрасно искали бы в „Повествовании“ чего-нибудь отличного или нового по сравнению с „Историей“ Петра Сицилийского. Последнее соображение, однако, не соответствует действительности. В изложении истории еретиков своего времени Фотий дает нам совершенно новые данные для изучения внутренней организации павликианской общины.⁶ Принимая зависимость „Повествования“ от „Истории“ Петра Сицилийского, Анастасиу отвергает мысль о том, что автором „Повествования“ является патриарх Фотий (стр. 22, 23), не приводя при этом каких-либо убедительных доказательств. Данные Евтимия Зигабена о том, что автор „Повествования“ — патриарх Фотий, Анастасиу отвергает. Автор рецензируемой книги, не считая Фотия автором „Повествования“, не пытается указать хотя бы время составления или компиляции „Повествования“. Он отмечает имеющиеся в „Повествовании“ противоречия и из этого делает вывод, что такой образованный человек, как Фотий, не мог этого допустить (стр. 22). Он не обращает внимания на то, что эти противоречия объясняются наличием у Фотия двух разных источников: для первой части „Повествования“ (гл. 1—10) — краткая версия Петра Игумена (или Георгия Монаха, которая вовсе не конспект „Полезной истории“), а для второй (гл. 11—27) — Петр Сицилийский.

Принимая, что „Повествование“ — компиляция из другого труда, непонятно, почему Анастасиу использует его наравне с „Историей“ Петра Сицилийского на всем протяжении своей книги.

Что касается кратких версий, приписываемых Петру Игумену и Георгию Монаху, то Анастасиу эти работы считает конспектом труда Петра Сицилийского, хотя, как видно из тщательного сравнения этих двух источников, они скорее независимы друг от друга.⁷

После разбора источников Анастасиу приступает к изложению истории еретиков. Здесь нужно отметить один важный недостаток рецензируемой работы. Для Анастасиу движение павликиан со времени его

⁶ Об этом подробнее см.: Р. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 89—92 („Значения «Повествования о вторичном произрастании Манихеев» патриарха Фотия для изучения истории павликианского движения“).

⁷ Об этом подробнее см.: Р. М. Бартикян. Источники. . . , стр. 93 сл.

возникновения (с VII в.) до „новых времен“ (до XIX в.) качественно не подверглось изменениям. Если оно и имело какие-либо изменения, то только количественные. Автор не замечает, что движение павликиан в VII в. качественно было совершенно иным, чем в IX в., тем более после его военного разгрома в 872 г.

В отношении содержания движения павликиан работа Анастасиу не может нас удовлетворить. Для Анастасиу павликианское движение, павликианство — чисто идеологическое понятие, оно представляло собой возрождение идей манихеизма и маркионитства, направленных против церкви. Почему к этому движению примыкали именно низшие слои общества, почему оно имело такую живучесть и широкое распространение, наконец, почему господствующие классы с такой непримиримостью, яростью и бесчеловечностью преследовали приверженцев ереси, таких вопросов себе автор не задает.

Павликианское движение, возникшее в VII в. как ересь, как простая религиозная секта, скоро получило широкое распространение, из простой секты превратилось в могучее движение, в восстание низов общества против феодальной эксплуатации и тревожило господствующие классы Византии, Армении, Кавказской Албании и халифата в течение многих веков. О том, что это было движением, направленным против „богатых“, видно из „Истории“ Петра Сицилийского, когда в связи с восстанием павликиан при ересиархе Сергии говорится, что Сергий „других из богатых сделал бедными“ (*καὶ ἄλλους ἐκ πλουσίων εἰργάσατο πένητας*).⁸ Борьба против социальной несправедливости и неравенства — вот главный девиз павликианских еретиков.

В свою очередь борьба светских и духовных властей против павликиан представляла собой классовую борьбу эксплуататоров, а не чисто религиозную, как несколько раз подчеркивает Анастасиу (стр. 63, 76). И будучи далеким от правильного понимания сути движения, Анастасиу считает преследования павликиан византийским государством „ошибкой“ (*δυνάμεθα γὰ θεωρήσωμεν τοὺς διωγμούς ὡς σφάλμα*) (стр. 221).

Мысли Анастасиу относительно другого крупного движения средневековья — иконоборчества, о причинах его возникновения, его сути и так далее не могут не казаться нам слишком наивными. Самое важное в этом движении — его социальная и политическая направленность. Советские историки проделали большую работу для выяснения этого вопроса.⁹ Анастасиу-богослов пишет так: „Главные мотивы иконоборчества — религиозные“ (стр. 43).

⁸ Petri Siculi. Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos Manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur, Migne, Pat. gr., t. 104, col. 1293.

⁹ См. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Уч. зап. Свердловск. гос. пед. института, вып. IV, 1948. Об этом см. также указанную книгу Е. Э. Липшиц „Очерки истории византийского общества и культуры“ (стр. 170—212).

Что касается политики иконоборцев в отношении к павликианам, то Анастасиу не совсем прав, когда пишет, что императоры-иконоборцы благожелательно относились к павликианам и защищали их (стр. 59). Против этого говорит житие св. Макария, в котором отмечены жестокие гонения павликиан одним из самых иконоборчески настроенных императоров — Феофилом.¹⁰ Об этом говорит и политика Льва V против еретиков, которая, конечно, не связана со стремлением императора подчеркнуть свое православие, как предполагает Анастасиу (стр. 65). Иконоборцы использовали павликиан в своих интересах, именно тогда они им покровительствовали, но и преследовали их, если движение последних сулило им опасность.

Как и многие другие еретические движения средневековья, павликианство не было однородным. В нем принимали участие разные слои общества, чем и объясняются существование в нем разных течений и борьба внутри самого движения. Поэтому не борьба вокруг должности вождя, имевшая место между ересиархами Захарием и Иосифом, стала причиной раскола павликиан, как пишет Анастасиу (стр. 47), а скорее всего эти два вождя возглавили уже существующие два разных течения в движении павликиан. Такое же явление наблюдалось и в начале IX в., в эпоху борьбы между павликианскими ересиархами Вааном и Сергием. Анастасиу пишет, что в вопросах идеологии ересиарх Сергий не отличался от Ваана (стр. 58), но это не верно. Петр Сицилийский указывает, что Сергий гнушался проповедью Ваана (ὁ Σέργιος, διὰ τὸν δυσώδη βάρβρον ὃν ἐδίδαξε ὁ Βαάνης), βδελυξάμενος,¹¹ что он был против доктрины Ваана. Это говорит против вывода Анастасиу.

В конце своей работы Анастасиу хочет доказать, что павликиане как военная сила никакую пользу Византии не принесли, что они стали причиной лишь катастроф и зла (стр. 221), и мысль о том, что павликиане были храбрыми воинами в византийских войсках, — выдумка историков нового времени. Против этого можно привести множество фактов, но достаточны слова Анны Комнены о павликианах Фракии. Она пишет, что император Иоанн Цимисхий, победив в войне павликиан, переселил их (ἀπὸ τῶν Χαλύβων καὶ Ἀρμενιακῶν τόπων) во Фракию и сделал их самыми надежными стражами от скифских, т. е. славянских, нашествий (ἅμα μὲν τῶν ἐρμυνοτάτων πόλεων καὶ φρουρίων, ἃ κατεῖχον τυραννιῶντες, ἀπαγαγὼν, ἅμα δὲ καὶ φύλακας ἐπιστήσας ἀσφαλεστάτους τῶν Σκυθικῶν ἐκείνων διεκδρομῶν, ἃς ὑποσύγκως ὑπὸ βαρβάρων τὰπὶ Θράκης ἐπεπόνθει χωρία),¹² что тот же Иоанн Цимисхий превратил прежних врагов манихеев (т. е. павликиан), первоклассных воинов, в наших союз-

¹⁰ Acta sancti Macarii episcopi monasterii Peleceti, Analecta Bollandiana, t. XVI, Bruxelles, 1897, p. 159.

¹¹ Petri Siculi. Historia utilis. . . , col. 1300.

¹² Annae Comnenae Alexias, vol. II, Bonnae, 1878, p. 298.

ников, сражающихся против скифских кочевников, благодаря чему в дальнейшем города стали свободно дышать (τοὺς ἐκ τῆς Μανιχαϊκῆς αἰρέσεως ἀντιμάχους ἢ μὲν ποιησάμενος συμμάχους κατὰ γὰρ τὰ ὄπλα ἀξιωμαχοὺς δυνάμεις τοῖς νομάσι τοῦτοις Σχύθαις ἀντέστησε καὶ τὸ ἐντεύθεν ἀπὸ τῶν πλειόνων καταδρομῶν ἀνέπνευσε τὰ τῶν πόλεων).¹³

В конце мы пожелали бы сделать ряд второстепенных замечаний.

Начало движения имело место в районе Мананали, который в источниках считается селением, деревней, но скорее всего это область Мананали, где даже в X—XI вв. имела широкое распространение ересь тондракитов, которая по существу была продолжением ереси павликиан. По этому поводу неправ Анастасиу, когда пишет, что и Петр Сицилийский, и Фотий локализуют Мананали близ города Самосата. Петр Сицилийский указывает город Самосата в Армении — Σαμόσατον τῆς Ἀρμενίας (гл. XXI), в то время как Фотий локализует город двояко: в первой части „Повествования“ (гл. II) — в Сирии (πόλις ἐστὶ τῆς Συρίας), а во второй (гл. XVI) — в Армении (Σαμόσατον τῆς Ἀρμενίας). А. Грегуар в свое время указывал, что под Самосата в Армении имеется в виду не сирийский город Самосата, а армянский Арсамосата — Аршамашат.

Анастасиу касается вопроса о происхождении наименования павликиан, но он неправ, когда пишет (стр. 40), что и Петр Сицилийский, и Фотий считают, что наименование павликиан произошло от имени отца ересиарха Гегнесия, от Павла армянина, жившего в первой половине VIII в. Петр Сицилийский определенно называет Павла сына Каллиники.

У нас нет никаких данных о том, что павликианский военачальник Карбеас погиб во время битвы в 863 г. (стр. 79). Только Фотий говорит о причинах его смерти, уточняя, что он умер своей смертью, заболев (νόσφ τὸν βίον κατέστρεψε¹⁴).

У нас нет никаких доказательств, что владетель города Локана Куртикий был павликианином (стр. 83).

Исторически неверно замечание Анастасиу о том, что назначение Византией архиепископа в Болгарии — „доказательство того, что Византия не хотела угнетать болгар и что ее главной целью был прогресс христианства в Болгарии, а не интересы империи“ (стр. 100).

Кавказская Албания — это не теперешний Дагестан (стр. 44), а в первую очередь территория Советского Азербайджана. Только южный Дагестан входил в ее территорию.

Феодосиополь находился не в Малой Армении (стр. 50), а в Высокой Армении, которая входила в состав византийской Великой, или Внутренней, Армении.

¹³ Там же, стр. 299.

¹⁴ Photii Patriarchae Constantinopolitani, Narratio de Manichaeis recens repullantibus, Migne, Patrologia graeca, t. 102, col. 79.

На стр. 96, где говорится о взаимоотношениях Византийской империи с Болгарией, по ошибке вместо „Болгария“ написано „Византия“ (σχέσις Βυζαντίου καὶ αὐτοκρατορίας).

Рассказ о морском ките, находящийся в „Полезной истории“ Петра Сицилийского, не принадлежит автору этого труда, как пишет Анастасиу (стр. 38), а взят из известного труда „Физиолог“.¹⁵

Заканчивая свои критические замечания, считаю нужным отметить, что с появлением монографии Анастасиу, как бы полезной она ни была, необходимость в обобщающем критическом труде о павликианах осталась.

Р. М. Бартикян.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

В годы 1945—1946 в Верхнем Египте, близ селения Наг Хамади (ныне Каср ес Саййад), была обнаружена часть библиотеки какой-то гностической секты. Написанные на папирусе, 13 кодексов содержат 49 названий различных памятников на коптском языке. Некоторые из этих рукописей сохранились лишь в виде фрагментов. Кодекс III из этого собрания был издан фототипически директором Коптского музея доктором Пахором Лабибом в Каире в 1956 г. — *Coptic Gnostic Papyri in the Coptic Museum at Old Cairo by Dr Pahor Labib*. Рукопись состоит из 158 листов папируса, палеографические особенности позволяют определить ее как относящуюся ко второй половине IV или началу V в. Из семи сочинений, входящих в состав этой рукописи, второе по порядку, занимающее десять листов (стр. 80—99), содержит текст, озаглавленный „Вот тайные слова, сказанные Иисусом Живым, которые написал Дидим Иуда Фома“ (стр. 80). На заключительной 99-й странице в конце дано ее название — „Евангелие (εὐαγγέλιον) от (κατά) Фомы“.

Этот замечательный памятник отдельно издан и переведен группой ученых — *L'Évangile selon Thomas texte copte établi et traduit par A. Guillaumout H. Ch. Puech, G. Guispel, W. Till et Yassah 'Abd al Masih, Leiden, 1959*, — что дало возможность в течение последующих лет изучать и толковать его исследователям различных специальностей. Обещано комментированное издание с обширным введением, посвященным различным проблемам филологии, истории, экзегезы, возникающим в связи с этим апокрифом. Изречения Иисуса (logia), составляющие содержание памятника, в количестве 114 не имеют нумерации, не размечены никакими знаками. Издателями они пронумерованы, что дает

¹⁵ См.: J. B. Pitra. *Spicilegium Solesmense complectus Sanctorum Patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera*, t. III. Parisiis, 1855, p. 352.